

Из дневников 1979 года

25 января. Вечер. Люда видимо не приедет, только что вернулся из института. Завел Мэй к Мусику. Поел, попрощались с Анваром, уезжает в Москву учиться. Сегодня пятница. Карякин вел рисунок и живопись. Я серьезно поработал. До обеда продвинул рисунок, после живопись. Так, что нормально, в акварели (роза стоит). Объем в духе Осмеркина. Далеко, правда, до него. Надо топить печку.

26 января. Жизнь входит в свою норму, т.е. русло, но на новом этапе. Люда ложится в больницу, видимо в понедельник. Утром вышли с Людой на снежную улицу, она, стряхивая снег с брюк, уронила кольцо. Еле нашел на дороге.

В институте показал план на миллиметровке Борису Евгеньевичу (архитектору). Одобрил и раскритиковал. Словом запутал. Потом привез Миру из школы.

31 января. Среда. 4 часа дня. Пришел из института. Покой на душе. Занимаюсь хозяйством. По стройфизике взял задание. По философии Афанасий хорошо прочел лекцию о сущности человека в общественном плане. Нетрадиционно, будит мысль и интересно. Афанасий говорил о Марксовой теории отчуждения личности. По английскому взял последнюю газету. В следующий раз, субботу – первый зачет. ИЗО не было, Ирина заболела. Сама лежит в больнице. Утром я ушел раньше Люды. Она поехала в больницу.

2 февраля. Вечер. Слушаю Дассена. Люда в больнице. Грустит, плачет. Когда уходил, прослезилась. С 9 до 4-х рисовал и писал в институте полуобнаженную натурщицу.

5 февраля. Нервозное настроение усугубляется понемногу. Осталось 10 дней до просмотра. Закончил рисунок и живопись. Теперь очередь за проектами. Утром переводил английский, дорабатывал наброски. Оттепель. Снег растаял. Утром обещал отвезти Мирку. Проспал. На диамате хотел выступить на семинаре, но Афанасий не разрешил. Сказал, чтобы другие. Никто не готов был. Он сказал мудрую вещь, что мы зря теряем время, не принимая «хотя бы той философией, которую я по мере своих скромных сил предлагаю Вам».

Хорошо сидеть в тихой комнате слушать музыку лирическую и пить чай. Вся комната увешана репродукциями.

6 февраля. Настроение более спокойное. Оформил почти все работы по рисунку и живописи. Ночью работал. Утром лег спать в 8 часов и проспал до 3-х, неудержимо клонило ко сну. Сейчас вечер. Только что ушел Мусик. Вчера начал план, сегодня главный фасад музея. Потом съездил к маме и Люде. Отца положили в больницу. Мама в смятении. Люде отвез суп и приемник. Она тоже чуть не отправилась дрянным томатным соком. Утром надо провожать маму в Баку. Она решила все же забрать Мирихан домой. Уж подлинно и одиноко стою среди тысячи бед и забот. Ну, смелее же, за дело.

7 февраля. Провожал маму в аэропорт. Айшолпан положили в больницу. Рейс отложили до 1:30 дня. Теперь работать. Мама легла отдохнуть. В аэропорту удивительное спокойствие. Фатализм пассажиров. Туман кромешный и промёрзлый. В автобусе заметил, что утренние пассажиры – рабочий люд – все платят за проезд.

8 февраля. Мама до сегодняшнего дня мучилась в аэропорту, неизвестно - улетела или нет. Майя заходила в мое отсутствие и оставила записку. Саша Карпунин вышел из больницы. Мы должны сделать все отлично, чтобы не подвести Кокоткина перед Выдрой. Делаю макет.

10 февраля. Вчера, когда с Мусиком вечером шли сюда, встретился с милиционером, участковым, я прошел мимо, не поздоровавшись, он же вослед мне сказал идущим с ним рядом: «Этого надо выселить».

Ночью работал с Мусиком, почти закончил макет. Оформил рисунок и живопись. Показал сегодня макет и план, фасад – Кокоткину и Борису, архитектору. Одобрили.

19 февраля. Понедельник. Ночевал у тещи. Шолпан простудилась. Пришлось идти далеко за завод в поликлиники вызвать врача. Позавтракал там и приехал сюда. Жду Мусика, топлю печку и грею воду для посуды. Опять наваливают сугробы снега. Все идет и идет мелкий сырой снег. Как в Мурманске. Вчера вечером ездил к Люде. Зашел в палату и около часа просидел с ней. Сегодня у нее решающий может быть день. Что-нибудь прояснится. У нее Н.И. заметила небольшой разрыв сетчатки. Этого несчастья только не хватало. Надо только утешать и поддерживать ее. Кто-то приходил в мое отсутствие, потому что кошка запущена в комнату, а была во дворе. Всю ночь ворочался в постели и не мог уснуть. Какой-то сон очень беспокойный и чуткий. Отхожу потихоньку от просмотровой горячки. Слава аллаху удалось сдать все без троек. Выбил как лев стипендию, теперь осталось два экзамена и один зачет.

23 февраля. Китайцы начинают войну, оккупируют территории. Здесь паника. Я спокоен. Люда лежит и тоскует. Выпили коньяк и водку с ее братьями. Маразм, матершинники. При детях подрались. Мать ее – дала только рубль. Ноги моей там не будет. С Володей доехали до Бешагача.

Заходил Мусик утром, собирались уходить, зашел Коля. Вместе попили пива, и я поехал к Люде. Война неизбежна, но через 20 лет. Должен еще написать что-то, а экзамен по истмату Афанасий принял у меня заочно, даже слушать не стал. Потом мы устроили грандиозную «дионисическую» пьянку. Афанасий, 10 литров вина, Котел, Петруччо, Мэй, Злой, я, Мусик, а утром присоединились Чак, Андрей, Света.

Начал писать маслом. Ура! Эдик на голову выше всех. О чем ты волнуешься? «Весь ты не умрешь». Удачи, Жолдасов!

8 апреля Несколько дней уже в Нукусе. Утром ругань с Савицким, он капризничал, грубил. Вечером он напечатал первую страницу Бюссе, а я ему диктовал. Накормил вкусными макаронами по-флотски. Помирились. Договорились с Савицким, что Арслан возьмет радио «Казахстан» на ремонт и даст ему «Словарь Нумизмата».

До 10 вечера грунтовал холсты у Бекпулата, читал его статейки, он недоволен Исламом. Считает его хитрым и недобрым.

Днем с Арсланом привезли трубы для водопровода. Машина заглохла у 9-этажки. Заводили, толкали.

Был хороший день, я много трудился. В эти дни занимаюсь сборкой и грунтовкой, реставрируя картины.

Прекрасный вечер и разговор в отцовском кабинете вчетвером. Мама, папа, Нигара и я.

Читал «Фиесту», и «Уголовный кодекс».

Покрывл лаком несколько дней назад кунградские работы.

Эдик М, в психбольнице, в 1 палате, это плохо. Всё его одиночество и пьянство, в этом и моя вина.

9 апреля. День пасмурный. Нукус золотистый. В полдень дождик, опять солнце. Обед с Савицким, потом пришли Шолпан и Гала. Работаю над разборкой картин для реставрации.

Смотрим прекрасную графику Ксенофонтыча, где нашел его стихи. Сегодня сказал Савицкому, что жена хочет в Нукус. Он посоветовал через маму искать квартиру. В конце месяца я должен привыкнуть к мысли ехать в Ташкент. Вымыл любимые ботинки. Пора расстаться с теплой и тяжелой одеждой.

Поставил вариться клей. Оргия сбора подрамников для будущей живописи. Савицкий сказал, что это психоз. Умный, хитрый человек с тысячью достоинств, но и с простыми человеческими слабостями.

Савицкий обо мне: «Ты такой умный, что просто «синий чулок».

Маму беспокоят камни в почках. В моих беспорядочных записях я хочу закрепить ускользающую жизнь и свои ощущения. Смотрели рисунки Ахунова, они несколько неживые, хотя техничны. Савицкий очень волнуется и ждет экспертов из Москвы, едет Люба Трускова. Возможно, поедem и в Хиву.

С Савицким вечером ходили по экспозиции. Переставили работы Сотникова, большие с большими и он очень был доволен.

Лают собаки. Спать. Я есть я и никто другой и утром, проснувшись, я опять буду собой.

Очень долгий и плодотворный день. Вечером в десять, после грунтовки холстов в бывшей квартире Эдика М. пришел домой.

Конец августа 1979. Кончается лето и время моего пребывания в Нукусе, кончается. Это лето много дало мне. Не знаю даже как определить это новое, что появилось в мыслях, в душе. Наверное, по прошествии некоторого времени я яснее осознаю эти перемены.

Некоторые душевные смятения, разброд мыслей, разбросанность, так, наверное, можно охарактеризовать мое теперешнее состояние. По приезду работал в музее искусств и три раза ездил в экспедицию в городище Джампык-кала.

Савицкий в больнице. Вчера случился приступ болей. Он в 8-ой палате.

Прошла выставка моих работ в двух залах музея – живопись и графика. Пригласил художников. Отзыв более или менее благоприятный. Поздравления, официальность. Света хочет тиснуть статейку в газету и по ТВ. Гулистан занесла в каталог три мои работы – «Автопортрет поясной», «Закатный пейзаж» и «Портрет Веры Николаевны в желтом колорите».

Арслан уехал вчера в Ташкент, Ольга там рождает. Я же живу второй день на его квартире в микрорайоне. Слушаю музыку, читаю книги. Сегодня рассматривал наши детские фотографии из целлофанового пакета, сильно разбередило душу.

Очень красиво было в экспедиции. Но на обратном пути, Эдик фотограф, Рустам, Саша и Альвина попали в аварию, зацепившись за встречную машину. Наш микроавтобус, тяжело груженный, дважды перевернулся на обочине, за кюветом. Все живы, Саша сильно поранил руку. Сейчас, весь во вмятинах, царапинах автобус, без многочисленных стекол, стоит во дворе музея. Мы с Савицким оставались там, вечером за нами приехал Манылов с Халиком на грузовой машине.

Ехал я сюда из Ташкента на поезде. По приезде никто меня не встретил, я таскался по вокзалу со своими баулами, портфелями и связками картин. Наконец упросил одного парня довезти меня до дома. По дороге заглянул к Арслану, но его не было, хотя горел свет. Заехал в музей, хотел оставить картины, но он тоже оказался заперт. Тогда поехал домой. Тут же сели на куле ужинать тушеной уткой, очень жирной, с картошкой, которую приготовил отец. Предварительно я втащил картины наверх, ящик помидоров, который передала теща. После ужина я показывал картины и этюды отцу. Ему очень понравился портрет Коли, лицо на синем фоне, улыбающийся. Это, сказал отец, законченный портрет, тип человека, которого я глубоко знаю. Кроме того, отметил мои достижения в натюрморте.

Поговорив, все улеглись спать, я порядком устал сразу и уснул на веранде, где была сооружена постель на чайных ящиках с книгами.

То, что я приехал в Нукус вместо поездки в Прибалтику, по-видимому, верно. И дало мне многое. Здесь я пришел к решению, что мне надо возвращаться в Каракалпакию после окончания института. Здесь мое место, моя природа, которую я люблю, здесь мой музей.

Огорчает болезнь Савицкого. Это ужасно, если он умрет. Хотя при трезвом размышлении можно сказать, что годы его, если не дни, уже сочтены. Он тяжело болен. Ситуация трагическая – человек не завершил свои планы. В музее нет профессиональных искусствоведов, нет средств, 500 тысяч рублей долгов, старое здание. И в довершение всех катастроф, Савицкий слег, и так тяжело, что его положили в правительственную больницу.

Игорь (Савицкий) не боится смерти. Считает это естественным – уход навеки. Как-то мы лежали на холме, под звездным небом, у стен Джампык-калы и говорили об этом. Он сказал, что мой буддизм, наверное, имеет смысл, и по-своему хорошо верить в перерождения, хоть это, возможно, и иллюзия. Гнетут мысли о смерти, об исчезновении навсегда. Есть нечто магическое в этом слове «никогда больше». Некая темная глубина, подземелье, откуда нет возвращения. Темное небытие.

В нем есть некая успокоенность, человека, который сделал великое дело, имя которого не умрет. Он прекрасно понимает свое великое значение. Но с годами стал придирчив, ворчлив, забывчив, тем не менее, сохранил свой политический ум, остроумие. Стоит видеть его во главе стола с сотрудниками музея, он похож на Вольтера или патриарха, высказывает свои мысли, убеждения, передает свой опыт, знания, постоянно напоминает мне о недостатке культуры.

С матерью ездил в Бухару на свидание с Витей, где он сидел. Эти мучительные вдвойне поездки надолго выбивают меня из колеи. Обрато возвращались ночным автобусом «Бухара – Нукус» через Красные пески. Матери стало очень плохо. Спала на моем плече. Повидались с Витей. Жили сутки, он совсем не спал. Это такая мука – жара, духота. Мама страдает, Витя страдает, я страдаю, и при всем этом надо держать себя в руках.

Страшно много читаю. Надо бы взяться и писать.

В дневниках я мечтаю о прошлом. По-видимому, все то, что я пишу, трагикомедия моей жизни с завязкой сюжета, с грустными и не очень интермедиями, с развязкой и опусканием занавеса.

Уход в пустоту, ничто, полное исчезновение. В человеке живет изначальный протест против небытия. Всем складом моей души, своей рефлексией я близок к экзистенциализму, как философии жизни, философии обращенной к человеку непосредственно и к буддизму, как глубочайшей попыткой любви и помощи страдающему человеку. Марксизм, своей объективностью, жестокостью, какой-то надчеловечностью, не вызывает у меня симпатии, равной той склонности и симпатии, что я испытываю к экзистенциалистскому философствованию. Наверное, поэтому у меня определились избранные писатели - Гессе, Маркес, Томас Манн, Достоевский, Гамсун, Рильке, Гельдерлин, Ду Фу.

Мои метания, разброд, смятения мыслей искренни, поэтому я верю себе, и стараюсь идти от своей сущности к познанию этого мира, природы, людей. Искусство, великие философы и пророки созданы глубочайшей искренностью, состраданием и поэтому трогают людей. В искусстве то же самое. Беспощадное обнажение души, боль, любовь... дороже пустых фраз, избитых выражений, штампов. Иными словами аномальность, необычность, пусть заблуждения, но искренность и не успокоенность поиска дороже холодной правильности. А потому истина в искусстве может быть более выражена даже в неправильности, но честной до конца.

Мир очень сложен. Фаина когда-то говорила, что у художника есть либо сложный, либо наивный путь. Две крайности, две полярности.

Видимо, иногда подходит время остановиться и подвести итоги, как-то осмыслить себя, свой путь. И в малом и большом, как Дао, смысле. Я нахожусь на том пути, откуда нет возврата в простоту. И одиноко мне, я привыкаю к своему одиночеству. Во многом похож я на Тонио Крегера.

Раньше я очень страдал от себя, отсутствия близких по духу мне людей, мучился, метался от одной крайности в другую в надрывах души. Теперь же, с большим, нежели раньше, самообладанием привыкаю к себе.

Воспоминания - потребность оглянуться назад, пересмотреть свое прошлое, которое густым туманом пыли оседает в душе. Я не изменяюсь там и тогда, но что-то добавляю сейчас к тому своему облику, который есть сейчас.

«Однажды старые фотографии вызовут уже забытые чувства. Куда-то уходит прошлое, далекие уже встречи, люди, лица, любимые. Чьи-то лица, улыбка, взгляд, пробудят тоску по былому, по тому, что никогда больше не будет. Ты замер между прошлым и будущим. Пожалуй, ряд этих фотографий есть путь медленного умирания, дорога потерь между уже бывшим и будущим, которое станет кода-то тоже бывшим».

Ты привыкаешь нести свой целый мир, целую Вселенную переживаний, непередаваемое ощущение своей личности, единственной. Смотреть на себя изнутри, из темницы своего Я наедине с самим собой, надоевшим подчас и противным самому себе и никуда от себя не деться.

29 августа. Огромное влияние на меня оказало всего 5 дневное знакомство, горячая дружба и сумасшедшая любовь к Наде Косаревой (Гарсиа). Удивительно наполненные дни и ночи, насыщенные чувствами, острой, неожиданной, как открытие мира, влюбленностью и все это время и последующее время было овеяно... романтизмом Кубинской революции. Она увлекла меня Кубой. Наши отношения были безумны и, видимо, шокировали окружающих. Я учился тогда в школе. Уже не помню, как я попал к ней домой на улицу Педагогическая, 8. И с тех пор жизнь моя дремавшая, ожила, обрела смысл, радость, любовь и любимую. Это была умнейшая, благороднейшая женщина. Старше меня на 6 лет. Мне было тогда 19. Я боготворил ее. Это была первая женщина, которую я любил по-настоящему. Все было несколько ошеломляющим и неожиданным, что и сейчас, через 7 лет, мне кажется, что все это было сном. Мы клялись друг другу в вечной любви. Муж ее был в Анголе, я же женился позже на Люде.

Мы говорили ночи напролет, беспрестанно курили, слушали музыку. Я писал ее портрет, портрет ее дочки. Моя дипломная работа была посвящена ей. Она в синем платье, с красными тюльпанами в руках. Дописал я его уже без нее, она уехала на Кубу. Из Ирландии она прислала чудесную открытку с зеленой травой и видом старой крепости, очень четкой красивой фотографией. Нас не смущало то, что она была замужем, с ребенком.

Уже через полгода, когда она уехала, а я закончил свои скитания по Ташкенту, мы сидели с Савицким в кино, я прочел все письма, целую кипу врученную мне. Игорь Витальевич интересовался, откуда эти письма и от кого? Вернее он знал, откуда они. С тех пор я не видел ее. Мы обменивались письмами. Но потом наша переписка заглохла, и она не приезжала в Ташкент. Я служил на Северном флоте когда она в 1974 году приезжала в Ташкент.

После приезда с флота, я сошелся на несколько дней с Валею, но расстались. Ее детская любовь испарилась, она преобразилась во взрослую, практичную женщину. 2 месяца

назад, когда мы разминулись на Бешагачском мосту, она сделала вид, что не узнала меня. Я шел с Мусиком к себе, она с какой-то дамой в противоположную сторону.

Изумительно красиво и одиноко было мне в Ленинграде весной 1976 года, когда я возвращался после 3-х летней службы домой. С сослуживцами я расстался на какой-то, не помню названия, станции, в 100 км от Ленинграда и оттуда ночью в 3 часа утра прибыл на Московский вокзал.

Невский, ночь, пустые улицы, одиночество, пьяные наркоманы, такси, кошки на витринах и внутри магазинов, постовые на углах. Вдруг надпись «Здесь жил Достоевский, написал «Преступление и наказание». Я бродил сутки по Ленинграду, ноги нестерпимо болели. Был в Эрмитаже, Русском музее. Ночью уехал в Москву.

В Академии раздобыл адрес Наташи Моисеевой. Но дома ее, на Фонтанке, не оказалось. Она уехала на Кавказ. Я уехал, оставив ей письмо, на которое, впрочем, не получил ответа. Как-то получилось, что люди, которые были так близки духовно, оставили меня, и Лена и Наташа. Так получилось, что я с тех пор ношу в душе ностальгию по ним. Лучше них, умнее, очаровательнее я не встречал и теперь меряю все свое окружение их эталоном, и не находя подобия грущу по ним. И все же я благодарен судьбе, хоть ненадолго сведшей меня с этими женщинами.

Определенное обаяние имеют для нас некоторые отрезки, в которые мы считаем, что нам было хорошо, как никогда. Так и со мной. Слушая Новеллу Матвееву, я вспоминаю короткий, но страшно наполненный период, когда всецело находился под влиянием Лены Худоноговой. Очень, зима, весна 1972-1973 года. Такой короткий промежуток времени. Своей могучей, властной, несколько истеричной, предельно эмоциональной личностью, она полностью покорила меня и захватила меня в «плен сознания». Познакомился я с ней и Валею Тепловым во дворе музея. Сумрак вечера, она беседуют с Савицким. В ту зиму после работы, я топил углем печи-контрамарки в музее. Окончив эту работу, я мылся, снимал черный халат, облачался в свою одежду и отправлялся пешком в микрорайон, иногда заходил поболтать к Эльмире Г.

Возвращался в 3-4 часа утра пешком до Черемушек, под черным небом и крупными звездами, если не оставался ночевать у них дома, что частенько случалось. Мы жили одним братством, одной компанией, одной семьей. Мы создали свой мир, свой салон, богиней которого, режиссером театра нашей жизни была, конечно, Леночка Худоногова. Она кончила заочно Академию, по искусствоведению. Занималась творчеством Ульянова, а так как в Нукусе было много его работ, она устроилась работать в музей. Часто она говорила, что Новелла Матвеева ее очень успокаивает. Теперь я вижу, что она была глубоко страдающим, когда-то болезненно надломленным человеком, женщиной, экзальтированно эмоциональной, сумевшей создать вокруг свой мир. Она была моей королевой, я чувствовал себя ее пажом. Позже наши отношения стали приобрели мучительный характер. Со ссорами, надрывом, мучительным душевным смятением.

Отец ее, Ю. Худоногов, покончил с собой. Повесился в ванной утром.

Я мучился ее недостигаемостью, и как-то она сказала мне, что я достиг такой душевной высоты, какой я не достигну никогда больше. Потом ничего не будет, будет только падение вниз и вниз.

Когда уехал в армию, Валя Теплов проводил меня, я простился с Леной, она поцеловала меня на прощание у трапа самолета. Я почувствовал, что душа моя разрывается от опустошенности и что их больше не будет. С тех пор я их не видел, и, наверное, никогда не увижу.

В первый же вечер, когда они сидели на корточках перед канцелярией музея, мы познакомились, они пригласили меня к себе. Жили они в однокомнатной квартире в

микрорайоне, напротив школы. Наши отношения характеризовались нестройностью, смутой, душевной чистотой и болью, словом всем, что давала такая богатая личность как Лена Худоногова. Она вела мелодию соло, мы только подыгрывали ей, хотя она была скромна. Она постепенно стала для меня идеалом.

Однажды случилось нелепейшее событие, когда я в дождь и снег, спрыгнув в носках их балкона, убежал, страшно напугав ее. Это было так малодушно, так низко, что и сейчас, после стольких лет, чувствую отвращение к себе. Но тогда, в темном слепом отчаянии, в слезах я бежал по ночным улицам, в груди было больно, я не соображал, что делаю, все было неразумно, меня толкали только эмоции, я ничего не помнил. Потом они пришли ко мне, Валя и Лена. Было ужасно. Потом была больница, зима, снег, тоска.

Мы слушали музыку Калинникова (который на меня очень плохо действует), Вивальди, Рахманинова, Баха. Каждый вечер покупали бутылку «Бычьей крови», Валя иногда играл на гитаре.

Наташа Моисеева, полная слегка женщина, коротко стриженная, с красивым русским лицом и русскими голубыми глазами тоже училась в Академии заочно на искусствоведении и писала диплом по Барлаху. Она часто болела. Потом была ее история с Савицким и она уехала. От кого-то я слышал, что она хотела от Игоря Витальевича ребенка, и на этом вышел у них конфуз. Хотя вполне вероятно, что это сплетни досужих выдумщиц. Кажется, она ищет утешение и лечится у святого старца в одном из Новгородских монастырей. Как-то в глубокой грусти она сказала: «Мы с тобой, Эдик, родственные души, болезненно переносим все, и наши близкие будут всегда предавать нас, самые близкие будут нас бить».

До сих пор лежит у меня на душе тяжестью, что я оставил, бросил ее во время ее болезни, не навещал ее. Она была глубоко обижена этим, и, видимо, не простила. Я был увлечен Леной. Хотя возможно это все мои выдумки. Я всегда благоговел перед ней, но особенно близок не был. Тем более, что зимой она уехала в Питер и вернулась только позже моего отъезда в армию, работала еще некоторое время в музее.

Она лежала на диване в маленькой комнатке, горло закутано бинтом, кругом книги, на диване, на столике, на стульях, на подоконнике, когда мы навестили ее втроем – Валя, Лена и я. Она иронически рассмеялась, смотря на мою сконфуженную, робкую физиономию. Советовала изучать немецкий по немецкому подлиннику «Фауста» Гете.

Ее я тоже проводил, и с тех пор не видел. Она говорила, что очень интересен Мах. Советовала прочесть самый «интеллектуальный» роман «Игра в бисер» Гессе. Говорила, что Достоевский - первый экзистенциалист, писала статью (или переводила) о кубизме. Я слышал, что она сильно хворает сердцем и желудком. Во всяком случае, она не ответила мне на мое письмо.

30 августа. 1979 года. Моя жизнь не будет похожа на чью-то. Это моя жизнь со своими взлетами и падения, постоянными влюбленностями, восторженностью, увлеченностью, разочарованиями, смятениями, томлениями, страхом жизни и страхом смерти.

Жизнь, в сущности, проста, а люди прекрасны своей естественностью. Великие люди были просты и их искусство в простоте, но великой.

Мне чужда банальная и тупая правильность, которую я презираю, этакая твердолобая правильность, ничего не говорящая сердцу, невероятно скучная.

Мы отброшены в средневековье, уродливое наследие, мы не потерянное, а не найденное поколение, только расправляющее плечи, нам разрешили говорить, но еще остались тысячи ограничений. К примеру, нет того, что хотелось бы читать. Нет Кьеркегора,

Ницше, Будды. Нас сводят к общему знаменателю. Нам закрывают рот, хотя не так рьяно, как 20-30 лет назад.

Но пора думать о себе и идти от себя к миру. Сдается мне, что мой пролог к «логическому» роману превращается, не начавшись, в повествование о женщинах, с кем я дружил, кого любил, кто любил меня.

В Ташкенте я одинок, не считая двух человек, которые мне близки и с которыми я выпиваю. Это Коля и Мусик. Два парня, с которыми я еще мог ладить. Остальные сокурсники и т. д. не вызывают особых симпатий. Пятеро из тринадцати человек, сыновья и дочка художников.

Видимо постоянная грусть и рефлексия – это моя натура, мой характер моя жизнь, видимо таким я и сложился в жизни, таким и останусь на веки и меня не изменить. Только необходимо делать постоянные усилия в жизни что-то совершить. Ведь по природе я склонен к лени, к восточному покою, а надо себя постоянно ворочать, тревожить, не дать уснуть Душе.

1 сентября 1979 года. Сижу в палате у Савицкого. Положение катастрофически тяжелое, но есть надежда, что мой старик выкарабкается, надеюсь очень. Я люблю этого человека и боюсь за него. Палата №1 высокая, светлая, есть две кровати, специальной конструкции. Лежит около окна.

Мой старик уснул, в отделении дежурят доктор Каримбай-ага Мамбетназаров и медсестра Айгуль (свадебный цветок – ароматное имя) и еще одна - Гульжан. Пью крепчайший кофе. На лестнице припас вино «Прибрежное». Прикладываюсь во время перекуров, пока спит Савицкий.

Здесь чисто. Стараюсь быть тише, чем мышь. Тяжело смотреть на него, выводы и отходы для пищи сбоку. Мучают страшные боли, делают обезболивающие. Сюда в Республиканскую больницу его привезли из правительственной больницы 3 дня назад, здесь же сделали операцию на спайке кишок. Тяжелейшая интоксикация организма. Мужественный человек. Делают обезболивающее довольно скудно, Савицкий этим очень возмущается, те мотивируют, что он привыкнет. Савицкий и я считаем, что это ерунда, за 3 дня никто не привыкал и к тому же делают нечто наподобие амидопирина, это очень слабое лекарство, не морфий и не опиум. Но уход здесь отменный и Савицкий этим доволен, даже ругал меня за то, что я не надеваю халат, или надеваю не так как нужно, по всем правилам.

Я вспоминаю слова Альенде о Че, когда перед ним лежал великий борец Америки, сломленный болезнью. Он посетил Че на Кубе, после победы Революции. И застал Че за тяжелейшим приступом астмы. Так и я когда смотрю на изможденное тело Савицкого, как скелет, на мученическое лицо, у меня возникает подобное чувство как у Сальвадора к Че.

Роза сегодня сделала и принесла сок из персиков, видимо с помощью Светы Турутиной. «Эдик, я пришла и принесла!». Смотрю, стоит в дверях палаты в своем цветастом платье. Веки покрашены зеленью, огромные глаза, милая женщина. Принесла еще газеты, полотенце, сок изумительный. Потом я вышел к ней, она была без халата, я дал ей свой халат, кстати, мама обещала завтра достать один медицинский халат. Посидела, поговорила 2 минуты, вызвалась завтра прийти и заменить меня днем, чтобы я выспался, обещала сварить бульон. Я дал ей 10 рублей, чтобы завтра купила гранаты и выжала сок. Савицкий хотел сок граната.

Вид у нее довольно утомленный, усталый. Приехал муж, каждый день попойки и оргии. Она, милая, справляла новоселье на 9-этажке у соседей. Муж уедет числа 5-6. Спрашивает, когда я уеду. Я ей ответил, что числа 15. Так не хочется ехать, это судьба моя, что я приехал, я был здесь нужен.

Вячеслав Алексеевич, наш зам, хороший человек. Съездили на его «Урале» к Эдику, взяли пакеты, потом купили таз для мытья старика в Универмаге. Сегодня не сплю вторую ночь, чувствую себя бодро, держусь, к тому же счастливая идея запастись на ночь вином и сварить крепчайший кофе.

Мама вечером она сварила чудный бульон для Игоря Витальевича. Милейшая мамочка. Радуетя моей чуткости, я хмурюсь. Поел дома суп, принес обезжиренный бульон Игорю. Он попил. Потом я немного читал ему Цвейга «Бальзак» и «Зощенко» из голубой книги. Савицкий заснул.

Вчера ночью перебирал книги по интерьеру. Есть несколько хороших русских и немецких книг. Света (Сонина) и Игорь (Савицкий) согласны дать почитать книги. Игорь сказал только, чтобы не все книги забирал.

Хотел задавить таракана под столом, задел таз, чудом он не загремел, я успел его ухватить ногой и рукой. Слава Аллаху, Игорь спит. Игорь перед самым сном говорил о трудности ужасной нашего времени, что все издерганы, вымотаны, и многие художники очень болезненны, другие пытаются как-то бороться с этим. Говорил, что Мартаков ничего общего с учеником Волкова не имеет.

Игорь борется за жизнь, решительно борется. Захватил для него кефир и позже взял в «Юбилейном» 4 бутылки минеральной воды «Фаргона». Неплохая, не хуже других.

Отца положили в правительственную больницу с астмой.

Возвращаясь из Крыма (Алупки) заехала и ночевала Кумуш, в студенческие годы она квартировала у мамы, я договорился на следующее лето приехать писать картины к ним в Турткульский район. Утром улетела мама. У Арслана родилась дочь. Интересно, как назовут дочь. Мама рада, хотела ехать, она как-то особенно любит и ценит Арслана. Сейчас Арслан тянет всех. Он за старшего. Отец сошел на нет, что-то у него с нервами и с головой.

Сегодня Савицкий сказал мне: «Эдик, ты представляешь себе, что бы было, если бы мы остались на раскопках еще?» Я сказал: «Нечто ужасное». Завтра приедет Роза и я съезжу за проигрывателем домой к Арслану. Он, видимо, не откажет, когда узнает для кого. Савицкий сказал, что он музыку любую любит. Арслан дал кучу пластинок к проигрывателю.

Хорошо, что Игорь спит. Игорь хорошее имя, я хотел взять себе его псевдонимом.

Какое было у меня детство и какая прекрасная мечта - сделать людей лучше, добрее искусством, революционно - пропагандистским монументальным. С размаху и сразу. А еще раньше в младенчестве – игра в тимуровские команды и т. д.

Ночь, тишина, гудит нейлоном лампочка. Клонит ко сну, но надо держаться. Хорошо я придумал насчет проигрывателя для Игоря. Видел бы сейчас Саипов Кыдырбай, какое состояние у Игоря. Но он лежит уже в земле. Господи, за что такие мучения Игорю, благороднейшему из тех, кого я знал. Игорь тяжело хворает и балансирует на грани жизни. Я бы помолился, если бы это пошло на лад. Хорошо, что Игорь хоть немного спит, наберется хоть немного сил.

5 сентября 1979 года. Савицкий слушает пластинку Жанны Бичевской. Из полуоткрытого окна доносится треск мотоциклов, шум машин. Время клонится к вечеру, но как говорится, еще не вечер. Днем у него сидела Роза, я сменил ее в половине четвертого, сходил с ней до ее дома, взял у нее ведро, ножницы и спички.

Я уеду числа 15-20. Арслан обещал сегодня достать справку. Он привез из Ташкента почти все тома «Истории русского искусства». Главное, что он побывал в Солдатском,

искал могилу отца, разыскал чью-то могилу, заржавевшую покосившуюся ограду 50-х годов на склоне холма. Будет устанавливать плиту.

Арслан был расстроен очень, мать говорит, что вчера плакал. Прошло 20 лет, мы были маленькие, теперь настало время, когда мы можем привезти в порядок могилу отца. Я сказал Арслану, что был у отца осенью в Солдатском. Время идет и я понимаю смысл жизни и ухода. Только теперь мы понимаем, что жизнью и нашими характерами обязаны отцу.

В мое отсутствие приходил под окна к Савицкому Алексей Квон, как говорит Роза, пьяный с двумя бутылками кефира, одну из коих тут же на глазах разбил, выронив. Спрашивал меня. Вчера он получил зарплату - вот и пьет сегодня. Роза говорит, что лицо у него было расцарапано. Вчера вечером он заходил, занес деньги 3 рубля, как я и просил его. На углу купили жареной рыбы. Прогулялись с Алексеем до аэропорта. Он своей медленной, неторопливой походкой, я быстрее, поторапливая его. Зашли в магазины, но сухого вина не оказалось. Алексей очень хотел выпить, а водку не хотелось, тем более, что я дежурю ночью у Савицкого. Алексей говорил о привязанности ко мне, о тоске, грусти и никчемности своего существования в Нукусе. В том смысле, что ему не с кем поговорить и не к кому пойти. Был красивый, туманный вечер, краски блекли, настоящий нукусский вечер, на улицах множество людей. Вечер в Нукусе, длится долго, темнеет медленно, наступают сумерки, воздух словно пропитан пылью, туманом, деревья синеют, на западе большая круглая луна. На улицах слышен шум машин, голоса людей. Все это к полуночи затихает и все погружается в тишину и темноту. Мы решили взять бутылку «Старки».

6 сентября 1979 года. Примерно 5 вечера. Сижусь с Савицким, сделали перевязку. Целый день провел с Алексеем. Началось все с утреннего стука в окно палаты. Алексей принес Игорю три бутылки кефира и для Розы виноград. Мелкий, красный, видимо вкусный. Игорь сразу запротестовал, мол, не надо. Я сказал, что нельзя так отталкивать людей и Савицкий, видимо, смутился и согласился.

День хороший, выпили мы с Алексеем 3 бутылки «Преображения», так мы называем «Прибрежное», оно есть только около кинотеатра «Амударья». Сидели мы в скверике, напротив школы «Столетия Ленина» и познакомился с двумя парнями – казаками. Один инженер в архитектурном, другой сварщик. Потом пошли к Алексу, мать нас накормила очень вкусно. Потом мы стали пить вино, я выпросил два этюда, один портрет девочек, другой пейзаж, оба маслом. Роза сидела у Игоря, я только, что сменил ее, она ушла домой.

Я все больше убеждаюсь насколько ум и сердце Алекса как открытая рана. Я вижу удивительный и родной ум.

Скоро придется уехать, Игорь говорит о культуре, о том, что нет культуры у министров, они не понимают что такое искусство, у них нет словарного запаса, чтобы выразить мысли. Но в этом они не виноваты, их никто этому не обучал. Он говорит о теперешнем посещении министров, после вчерашней катавасии с умирающим и умершим. Камалов направил министра торговли и министра бытового обслуживания к Игорю, чтобы они выразили внимание к нему. Савицкий говорил, что это была не оперетта даже, это было что-то вроде художественной самодеятельности. Конечно, ему человеку глубокого образования, большой культуры, все кажется средневековым здесь.

Алекс умница, как здорово он мыслит своим пусть полуразрушенным умом, как здорово чувствует, как развита у него интуиция! Сидели мы в парке с «Преображением» и преображались. Потом он подарил несколько коробочек с английскими и французскими красками. Хорошо и насыщенно прошло лето, я даже не ожидал этого, когда ехал сюда.

Игорь слушает импровизацию «Малагенья». Чудеснейшая вещь полная испанского томления грусти и красоты. Игорь голову опустил на руку. В открытое окно зверские звуки тракторов с прицепами.

В Ташкенте все продолжится, та же жизнь, только с другими людьми, в окружении другой природы, может быть менее любимой, чем теперешняя. Как мила мать Алексея, Мария!

Вечереет, накормил ужином Игоря. Лежит, читает «Бальзака» Цвейга. Шумно еще. Заходила медсестра, села на стул, задрала ногу так, что были видны трусики белые. Это довольно «жестоко» для человека, не видевшим жену 2 месяца. Ляжки у нее мощные, глаза блядские, фигура хорошая.

Игорь Витальевич слушает «Клавесинный концерт» Баха.

Сидели мы утром с Алексом в молодом парке, рядом и недалеко по аллее проходили девушки, изумительной красоты, вертя задами, пухленькими и выпуклыми. Мы шутили, смеялись, пили «Преображение» и все было хорошо. Кругом росли молодые деревья, зеленые, вдали стройка киностудии. Подходя к базару, встретили Нагмета Давкараева.

Жаль, что нукусские каникулы кончаются, это постоянным рефреном звучит во всех моих желаниях. Решено - после окончания института я возвращаюсь в Нукус.

Надо в Ташкенте копить краску, бумагу, в общем, все художественные материалы, доставать кисти, покупать мольберты и возвращаться в Каракалпакию. Я хочу стать и стану голосом Каракалпакии – моей красивейшей страны.

В этой самой палате, где лежит Савицкий и лежу, дежурю я, умер человек. От ожога и отравления уксусом. Хрипел, мучился, плакал «О, Господи». После трахеотомии, после судорог последних затиш, угасшими глазами глядя в потолок. Побледнел. Я делал ему массаж сердца, пока доктор не показал жестом, что этого человека уже нет. Странное ощущение тишины наступило и в этой тишине немного отдаленно зазвучали вопли причитания женщин и детей. Их начали выводить из палаты и, странно, они сразу же покорились. Доктор привязал большие пальцы ног к спинке кровати. Закрыл ему глаза, странное впечатление производил этот человек, безмолвный, бледный, среди нечистот, блевотины, смятой окровавленной постели. Лежал, заросший щетиной, с бледным лицом. Он вдруг напрягся в тот момент, сжал губы и перестал дышать, глаза серо-голубые потухли. Его трясло, он дергался в судорогах, с привязанными к кровати руками, точно увидел смерть и сопротивлялся ей. Жена привалилась к нему и заплакала, заголосила. Он уже ничего не слышал. Проста и вместе с тем сложна смерть.

Игорь хотел написать письмо, мается с вечера и написал всего пару строк. Уже сумерки. Заходила красавица медсестра, с милой улыбкой, ласково справилась о здоровье, самочувствии Савицкого. Поменяли мешочек на его боку.

Этим летом 3 раза я был на раскопках с Игорем. В первый раз на 3 дня. Втроем: Саша – шофер, я, Игорь на большом автобусе. Во второй раз на маленьком автобусе, тоже втроем. В третий раз уже шесть человек: Альвина, Эдик-фотограф, Рустам-историк, Саша-шофер, Игорь и я. Возвращаясь оттуда, они четверо, кроме нас с Игорем, Мы остались на два дня, как рассчитывали. Те, кто уехал, попали в аварию, но никто к счастью не пострадал, кроме Саши, он поранил руку. Вечером нас забрал Маньлов и тоже к счастью, потому что Игорь мог слечь там и умереть.

На раскопках открывался чудный вид, на разлив реки, дальние горы, поля, западную полуразрушенную башню. Савицкий всем восхищался. Деревья в воде, чудесный вид, гигантские стены, внутри полуразрушенный дворец афригидский, в середине городища современное кладбище. Недалеко река, в которой я купался днем в жару с величайшим удовольствием. Окунался в медленно текущую реку с тополиным пухом. Около воды был

привязан осел, с умными, добрыми глазами. Однажды из леса вышла ослица, боже, какой он поднял вой, член его вытянулся и он оплодотворил в смятии место, где стоял на привязи.

Готовили мы обед на каменном очаге. В тени машины расстилали тент, весь уже изорванный, ели уху, жареную рыбу, пили чай, говорили о всяческих вещах. С нами была Альвина и лежала она в полдень на раскладушке в тени дома лесника. Тот жил с семьей в доме у воды, с навесом, у берега привязана была деревянная лодка и моторная лодка. Дальше река изгибалась, там стояла водокачка и когда она работала, шум ее доносился до холма.

Как выйдешь из крепости, видны розовые стены, бойницы. Вокруг странно неземной, мертвый пейзаж, горы, холмы, зелено-серого, пепельного цвета, зеленый камень. В последний день, когда мы остались с Игорем, возвращаясь от реки, я разделся догола на горе и почувствовал, что есть горы, мир и я. Вокруг были горы, крепость Джампык, а внизу в долине было целое море зелени – тугаи до самой Амударьи.

Постоянно дул ветер, особенно сильно по ночам. И это было единственное спасение от комаров. Мы лежали на раскладушках под бескрайней бесконечностью звездного неба, Млечный путь и о чем-то говорили с Игорем. Рядом возвышались черные громады стен крепости. Пролетит сова, шурша огромными крыльями, свистит ветер. Лаает вдали дворняга, так привязавшаяся к нам. Но работать было нелегко – жара, ветер, пыль, солнце.

К вечеру на западе заходило солнце и наш ландшафт преображался. Каждый день я рисовал шариковыми ручками и цветными карандашами. Странное ощущение испытываешь в тишине этой древней мертвой крепости. Когда-то здесь кипела жизнь, люди жили, страдали, радовались со своими трудностями, заботами, помыслами, слезами и смехом, какими-то далекими от нас своим непонятным и своеобразным бытом. Где же они? Их нет. Лишь в земле остатки утвари, украшений, керамика, стекло, бронза кости животных и гигантские стены крепости и башни. Город этот погиб при нашествии Чингиз хана в 12 веке. Он видимо оборонялся, потом был взят и зверски разграблен.

Мы были там недолго и вскоре уехали. Чудесно было там «вдали от шума городского».

В Ташкенте меня ждет жена, двое товарищей, другая своя жизнь, учеба в институте.

Вспомнил как в институте, когда были на хлопке, жили мы в райцентре совхоза, в помещении школы, в классе прямо на полу расстилали матрацы. На втором этаже в классах учились дети, маленькие первоклашки. Ходили на поле недалеко, мимо фермы мычащих коров, огромных стогов сена. Выпал снег. Иной раз было прохладно. Ходили купаться в баню. Часто шел снег, метель, потом выходило солнце и было хорошо. Каждый день у актеров были танцы, я слушал музыку и немного танцевал. Пили мы порядочно с Гришей (Капцан). В самом конце хлопка я познакомился с Мухаббат, после того как мы с Гришей пьяные зашли к девочкам в клуб. Мне показалось, что я нашел свой идеал. В этот пьяный вечер разоткровенничался, говорил о прошлом 1973 года, о своих ушедших друзьях, о грусти, о ностальгии по прошлому, об одиночестве. Когда мы приехали в Ташкент, я проводил ее до дома и там все кончилось. Ее мать была на свадьбе Минича, и вот там я вел себя экстравагантно, вставал на колени, меня били по щекам дамы, это рассказала мать и Мухаббат разочаровалась во мне. Мое поведение – было только внешним выходом чувств, внутренне я совсем другой, ей Богу другой.

8 сентября 1979 год. Суббота. После полудня. Настроение спокойное, хорошее. Сегодня был целый день с Савицким. Третью ночь он не спит. Я встал как обычно, в 6 часов, умылся, помог ему сделать туалет. Потом сходил домой, проспал до 10 часов. Потом Арслан отвез меня в центр, я купил на рубль газет для Савицкого, потом сходил к Гале и взял ему еду. К Савицкому приходили два человека из Ташкента. С утра был и Рустам,

потом заходил Слава, наш замдиректора. Через неделю я буду далеко отсюда и многого не успеваю сделать, что печально. Игорь поужинал, теперь слушает музыку из «Ольги Сергеевны», «Хорошие миниатюры».

Ночью просыпался, выходил на крыльцо больницы покурить. Видел луну, плывущие облака, прохлада, тишина и красота ночи. Этот человек, посещавший Игоря, сказал, что смотрел мои работы и что я похож на свои автопортреты. Сложил в ящик книги, которые хочу взять с собой. Надо перед отъездом посидеть с друзьями, Рустиком, Сашей, Квоном.

Слушаем гениальную пьесу «Малагенья», польский джаз «Парадокс». Жизнь хороша, несмотря на все.

Сегодня приходил сын министра торговли, принес пакет фруктов, кефир и две банки апельсинового сока «Греко».

Сегодня в больнице напряженная жизнь. Шли операции. На улице стоят родственники пациентов.

Игорю Витальевичу сестра сделала укол, и он, по-видимому, будет спать. Отношения с Игорем Витальевичем натянулись как струна. После того, как я утром с ним поговорил резко, он, хитрец, стал со мной мягче общаться. Умеет строить отношения с людьми. Не то что я.

Вспомнилась служба в Кронштадте. Ехал туда на поезде, полном призывников. Выгружались на Московском вокзале в Ленинграде. Я тогда думал, как долго - 3 года и вместе с тем недолго. А как они растянулись! Я попал в Кронштадтский госпиталь №35 в роту учебных инструкторов. Мы учили азы медицины, латинский язык, искусство перевязки. Потом меня отправили на Северный флот в Мурманск, на корабль, где и закончил службу. Последний год был чудесным. Я познакомился с библиотекарями, влюбился в Наташу Леде, подружился с семьей художников Ивахненко - Саша и Наташа. Ходил по книжным магазинам, большую часть увольнений провел в Мурманской областной библиотеке. Слушал музыку, смотрел книги по искусству, читал Аполлинера, Булгакова. Носил из библиотеки книги себе и командиру. В конце службы начал рисовать. И постоянно чувствовал глубокое одиночество. На корабле у меня не было близких людей.

Служба многое мне дала. После нее я вернулся повзрослевшим. Я видел на службе трудности, испытал морскую качку и болезнь, тонул за бортом - чуть не погиб, драил пайолу щеткой. И даже попал в психиатрическое отделение госпиталя за попытку вскрыть вены, в одну из горчайших минут отчаяния и грусти. Ко мне в больницу приходили Саша и Наташа Ивахненко, приносили бумагу, карандаши, книгу о Матиссе, апельсины, Рэя Бредбери.

Купил перед отъездом самоучитель по испанскому языку Перлина, Неруду на испанском языке, массу книг по искусству и политике.

Видел море в шторм, когда волны огромной пропастью падают за иллюминатором и потом вновь вздымаются. Бескрайнее море от горизонта до горизонта. Видел тихую гавань среди блаженных островов в Баренцевом море весной, покрытые невероятными расцветами трав. Видел тундру весной, цветущую в дождь. Видел Северное сияние, змеей ползущее с шуршанием и треском по небу. Морозы, долгие ночные вахты. Увольнения и танцы в матросском клубе, поцелуи ночью среди засыпающего города, среди запорошенных снегом гаражей или в беседке детского сада.

По вечерам много читал Достоевского, Германа, Рокуэлла Кента. В библиотеке я разыскал, полюбил и переписал все стихотворения величайшего поэта Сесара Вальехо.

Там же я познакомился с Наташей Леде. На следующий день мы сидели в холле на третьем этаже, она читала мне стихи на французском Аполлинера, Жакоба и других.

Мы познакомились так. Однажды, зимним вечером, я одевался в вестибюле и вдруг заметил около зеркала в колонне одевающуюся красивую девочку лет шестнадцати. Обратил внимание на поразительно тонкую талию и пышные бедра, когда она, выгнувшись, надевала пальто. Это была Наташа. У выхода я догнал ее и заговорил с ней о чем-то. Шел снег, было еж темно, снег скрипел под ногами. Потом мы часто говорили друг другу, до чего же счастливой была эта наша случайная, в сущности, встреча, и как хорошо, что я заговорил с ней, и она ответила мне без предубеждений. Я люблю женщин смелых, порывистых, вольных в обращении. Она была именно такой девушкой. Потом мы часто встречались, я даже приходил к ней домой и у нас завязалась оживленная переписка. Она писала мне на корабль, я же ей на улицу Челюскинцев. Весной она в наряде Снегурочки выступала на 5-ти углах, и я разыскал ее там. У нее был ужасающий грим и краска с ресниц сыпалась на щеки черными крупинками. Было солнечно. Полно народу. На дощатом помосте выступали артисты эстрадной самодеятельности. Она любила одного длинного парня. В тот год она оканчивала школу. Немка с чудесной прохладной фамилией Леде. Ее звали Ледышкой. Она страстно любила жизнь, тонко чувствовала красоту природы. Я любил ее. Она же подарила мне свою дружбу, мы писали друг другу о книгах, о музыке, о мечтах, симпатиях и о своих настроениях. Я так радовался, получая ее письма. Любил и ревновал ее. А она была спокойна. Она мечтала стать врачом. Тонко чувствовала чистоту, фальшь. Не любила когда в письмах не ставились или же проставлялись лишние запятые. Поэтому мне приходилось тщательно следить за грамматикой своих писем и перечитывать их, дабы избежать этого. Через несколько лет, после того как я написал ей что женился, она перестала мне писать. Теперь, потеряв ее, я понял, что она любила меня и хотела выйти за меня замуж. Я написал ей огромное количество писем, оставил свои рисунки цветными карандашами. Заходил к ней домой и беседовал с ее родителями. Как-то я взял у нее и с восхищением прочел «Молодые львы» Ирвина Шоу. Конечно, «Вечер в Византии» уступает этой ранней вещи Шоу Ирвина. Вся моя беда в моей слабовольности, что-то решив, я не следую своему решению. Я как амеба, как рыба без хребта. Тяжело быть человеком без твердого следования своим решениям.

Леде была милая, умная девочка. В письмах я делился с ней планами будущей жизни, полной путешествий и грандиозных приключений. А вышло все гораздо прозаичнее. Я поступил в институт и вот перешел на 4-ый курс. В Мурманске была зима, на корабле я с нетерпением ждал писем от Наташи. Я очень много читал, и в одно из самых тяжелых времен я прочел и поразился «Доктору Фаустусу» Томас Манна. С тех пор эта книга для меня, своего рода библия, которую я могу читать постоянно. Это моя настольная книга.

Сегодня вечером, смотря на луну среди облаков, линию высоких темных деревьев во дворе больницы, я понял, что необходимо избрать стиль жизни и следовать ему, прожить жизнь в едином ключе, в одном стиле. Ярким примером подобной жизни может послужить жизнь Ван Гога. Мне характерна разбросанность, нет той огромной цельности мироощущения. Я чувствую, что мне надо собраться. И Савицкий ругает за рассеянность и несобранность.

Мне не с кем общаться, не с кем поговорить. Я забрался на некоторую высоту, где человек стоит, как островок в океане и не кому протянуть руку и сблизиться сердцем. Жена издали стала казаться мне чужой, далекой от моих интересов.

9 сентября, 1979 год Вечер. Савицкий дремлет. Сегодня утром отнес письмо Игоря Витальевича к Фрейману Льву Борисовичу. Работник обкома, очень поддерживает Игоря и его дело. Живет в уютном домике с чудесным садом, просто тропики, роскошь. И

очарование – миллион цветов. В садике, за высоким зеленым частоколом, женщина в черном халате работает. Напоминает Ван Гога.

Все время вспоминается прошлое.

Учился в школе с 1966 года по 1972 год. Шесть лет. Но какие они были насыщенные. Сначала учился на Бешагаче. Потом в 1968 году мы переехали на Чиланзар, 22 квартал. Все началось просто. Мой школьная учительница - Ая Имановна пришла к моим родителям и сказала, что у меня есть способности к рисунку. Утром в воскресенье, в один прекрасный день, я, проснувшись, лежал в постели, когда мать с отцом (отчимом) говорили, что пошлют меня в Ташкент. Там меня встретили Арслан и Карпунин. Началась учеба. Я до безумия, до слез полюбил Машу Ясногородскую так, что плакал в туалете, чтобы никто не видел. Приходил к ней в музыкальный класс и не знал, о чем говорить. Господи, как я дрожал от робости и счастья увидеть ее. Любил ее и Кукушкин, мой товарищ. Но выбрала она для дружбы именно меня. Выбор этот, она сделала своеобразно. Мы шли с Кукушкиным навстречу ей по узкой алее, между фонтанами. Она решила (как потом рассказывала) что того, кто не опустит глаза при встрече, она полюбит. На свою беду Кукушкин опустил глаза, и мне несказанно повезло.

За забором школы находилось училище Бенькова. Мы ходили с Павелкиным писать этюды на озеро. Я писал неплохие вещи акварелью. Больше всего я жалею, что уничтожил свои детские рисунки, много чемоданов. Это уже было перед армией.

По утрам было прохладно, зябко. Мы умывались под колонкой во дворе школы. Она и сейчас стоит. Где то время! Как далеко оно! И как близко в моей душе.

По воскресеньям было тихо и пустынно. Мы смотрели телевизор у Васи Морозова, воспитатель, выпускник детдома, который остался в интернате. Все же он создавал нам какой-то уют. Мы были так дружны - сироты и не сироты, остающиеся на выходные дни в интернате. Жили мы отгороженные от мира, от шумного большого города стеной. К нам только доносился шум города через забор, да вонь из мясокомбината через дорогу. Мы жили островком среди бесконечности мира, уютным островком и гнездышком, где была знакома каждая аллея, каждый дом, дерево и забор. Мы все любили друг друга, ссорились, мирились, учились рисованию.

Первым нашим учителем был старик Подгурский. Прекрасный старик. Он был глуховат, с аппаратом в ушах. Он говорил о том, что у художников не должно быть праздников, выходных. А мы стремглаз мчались из класса, не дослушав его, на перемены. Тогда наш класс художников был отдельным. Потом нас соединили с музыкантами. Потом на смену старику пришел терпеливейший и милейший Бойко. Чудесный человек, мягкий, настоящий педагог.

Ключи от мастерской были у меня. Мы рисовали по ночам и на переменах, мы были так увлечены искусством! Это была малюсенькая комнатка, где я когда-то обнимал Вику Мирзаеву, а в дверь стучала, ревнуя, Валя.

Мы часто сбегали на озеро и, возвращаясь с этюдов, ели чудные горячие, пахучие лепешки, которые мы покупали через зарешеченное окно в Хлебокомбинате за 10 копеек.

Шли дожди, проливные ночные дожди. Мы бегали нагишом под дождем. Потом плескались в фонтане с прохладной водой. Сторож нас с Валею по-отечески опекал. Шли дожди, мы целовались под навесом и в музыкальных классах.

Были танцы по субботам, было кино в столовой 3 раза в неделю. Были праздники и будни. Мы любили, сидя на заднем дворе, писать училище, вернее стену училища.

Идеалом моим в школе был Саша Карпунин. Он виртуозно и чудесно писал и рисовал.

В город я вообще не выходил. Это потом, когда мы переехали на Чиланзар, я повадился в город, в библиотеку имени Фурката, напротив кинотеатра «Чайка».

Неплохо было бы сделать иллюстрации к моим воспоминаниям тушью, карандашом и акварелью.

Так ушел в воспоминания, что совсем забыл, что сижу у Игоря Витальевича в палате. Он что-то тоже пишет, кажется, письмо. Днем сидел шофер Саша. Роза принесла фаршированный болгарский перец.

12 сентября, 1979 года. Пора от чудесных воспоминаний вернуться к настоящему. 3-й день тяжело болен простудой. Лежу дома со вчерашнего вечера, после того как под проливным дождем мы возвращались с Розой. Шел сильный дождь, ливень. На больших лужах большие пузыри, небо низко в ватных тучах. Прохлада и чистейший воздух. Вечерело. Уже в сумерках мы подошли к Черемушкам. Она зашла к себе в дом и я ждал внизу. Свет не зажегся, но выглянула с балкона.

Сегодня весь вечер пролежал в постели, вечером заходила Альвина и Роза. Альвина оставила список необходимых ей красок, чтобы я посмотрел в Ташкенте. Я в домашнем халате, лохматый, с измученным лицом.

16-го числа я должен улетать и до отъезда надо решить, что делать с музеем и Игорем Витальевичем. И как жить дальше?

Читал Бунина, Паустовского, Диккенса «Лавку древностей». Слабость, головокружение, рвота, боль в правом бедре. Какая-то нереальность ощущений (как во сне). Во сне кошмары с нудистами, с плачущей матерью, с дрыгающимися в такт рок-музыке девочками. Надеюсь, мне полегчает.

У Игоря Витальевича не был с понедельника. Обидно, что не успел помочь Арслану и потерял ключ от квартиры.

Прочел лучшее что читал – письма Эдуарда Гольдернесса к своей возлюбленной (Ирине Д.) Чудо из чудес. Искреннейшая, очень близкая мне, беспощадная, мучительна и высокая любовь. И простая, такая как в жизни, без книжности.

За окном все тот же дождь. С Арсланом говорил о современности, о коммунизме. «Мы боимся себя как Себя, подчиняясь в толпе мистическому и мифическому идеалу «псевдокоммунизма». Это кончится катастрофой».

Через два дня, я по всей вероятности, уеду. Как не хочется этого. Так привык к Нукусу, так вошел в эту жизнь, так слился с ней, что мне жаль покидать все это и мной овладевает тревожное предотъездное настроение.

Завтра мне надо очень многое сделать: сходить к Игорю Витальевичу, сходить в музей, помочь Арслану, сходить к маме, на рентген и поставить пломбу. Надо взять себя в руки и наперекор недомоганию и болезням сделать все, что в моих силах.

В тяжелейшее время моей жизни с величайшим трудом прочел и был потрясен «Доктором Фаустусом» Томаса Манна, остающегося и по сей день единственной моей кровной книгой, «Библией» в самом лучшем символическом смысле этого слова. Отсюда мой углубленный интерес к Ницше, Достоевскому, к болезни и смерти, к экзистенциализму и Кьеркегору, к темным, истинным, болезненным глубинам человеческого творческого духа.